

Вэнь-санья был из тех детей, что почти не плачут, но в этот день глаза у него враз покраснели. С самого рождения ему ни разу не отмечали день рождения. Сначала он даже не знал, что это такое. Лишь когда он начал ходить в школу, он увидел, что у других детей бывают такие дни - когда варят лапшу долголетия, подают варёные яйца, а иногда даже дают сладости. Но вернувшись домой, он никогда не спрашивал, почему в их семье дни рождения не празднуют вовсе. Потому что в глубине души он и сам догадывался: скорее всего, причина кроется в нём самом.

— Санья, в день рождения нельзя плакать! — уперев руки в боки, Вэнь-эрню с важным видом наставляла брата. — Если в этот день заплачешь, то и весь следующий год будешь плакать без конца!

— День рождения - это же здорово! — продолжала она. — Смотри скорей, что в узелке! Брат Юй и наш брат подарки купили, и от меня тоже кое-что есть!

Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем тоже вошли в комнату и сели на край кровати, наблюдая, как Вэнь-санья аккуратно развязывает узелок.

Сверху лежало пресс-папье, купленное Вэнь Ецаем.

— Санья, ты узнаёшь, что за иероглифы тут написаны? — Юй Шанчжи указал на резьбу на пресс-папье.

Вэнь-санья не задумываясь ответил:

— «Благородный муж осторожен, когда остаётся один». Это из «Ничто не бывает столь скрытым, как то, что в потаённом, и столь очевидным, как то, что в едва заметном, — потому благородный муж особенно внимателен к себе, когда остаётся один».

Проговорив с чёткой интонацией, он поднял сияющие глаза:

— Брат Юй, я правильно запомнил?

Юй Шанчжи хоть и не сдавал государственных экзаменов, но с детства получал классическое образование под началом деда, и, услышав эту строку, сразу вспомнил, что в прошлый раз видел её в «Ли цзи» в книжной лавке.

— Всё верно. Эту надпись выбрал для тебя твой брат. Понравилось?

— Очень! Спасибо, брат! — с этими словами Вэнь-санья обнял пресс-папье и кинулся в объятия старшего брата, который, не сдержав радости, хорошенько прижал его к себе, прежде чем наконец отпустить.

Затем настала очередь второго подарка.

— Новая кисть! И новая бумага! — Вэнь-санья уставился на белоснежную сюаньчжи, не в силах скрыть восторг.

На этот раз заговорил Вэнь Ецай:

— Это твой брат Юй выбирал. Говорит, ты дома тренируешься писать, значит, и бумага, и кисть должны быть добротными. Иначе чем больше будешь упражняться, тем хуже пойдёт.

Но бумага... она была просто слишком хороша. В те дни, когда он учился в школе, даже учитель пользовался бумагой-сюаньчэнь, но она и рядом не стояла с этой — такой тонкой и ослепительно белоснежной. Что уж говорить о кисти: Вэнь-санья едва сдерживал желание немедленно пойти и вывести пару иероглифов.

— Брат Юй, да ты же и так уже подарил мне книгу, — тихо проговорил он, опустив взгляд.

Хотя сам он никогда не покупал ничего подобного, и тем более не бывал в уездных лавках, даже он мог догадаться - и пресс-папье, и бумага с кистью стоили немалых денег.

Юй Шанчжи только покачал головой:

— Книга — это книга, а подарок — это подарок, их нельзя путать.

Он помог Вэнь-санья аккуратно отложить бумагу и кисть в сторону, придавив всё только что подаренным пресс-папье, и вот, наконец, из-под свёртка показался последний подарок — сшитая вручную сумка для школы от Вэнь-эрню.

Вэнь-санья с первого взгляда узнал работу сестры. Он бережно вытащил сумку из узелка, с затаённым восторгом проводя ладонью по ткани, не в силах оторваться. В конце концов он поднял личико и звонко сказал:

— Спасибо, сестра!

Вэнь-эрню подошла ближе и с гордостью указала на вышивку в уголке.

— Гляди, моя вышивка ведь и правда стала лучше, да?

Вэнь-санья закивал, как цыпленок. По крайней мере, в этот раз он с первого взгляда понял, что именно изображено, а это уже было немалое достижение. Видимо, история с тем, как она соревновалась с сестрой Ху Нью в вышивании бабочек, и правда стала для неё хорошим уроком.

— Подумаешь, вышивка, — с важным видом заявила Вэнь-эрню, как настоящая взрослая. — Я всему могу научиться, стоит только захотеть, и всё пойдёт как по маслу.

Она покрутила указательным пальцем, а затем с видом наставницы добавила:

— Давай примерь, я погляжу. Если лямки длинноваты, завяжем узелком.

Пока они любовались новеньким ранцем, из кухни как раз подали и лапшу долголетия.

Учитывая, что Вэнь-санья ел понемногу, лапша представляла собой тонкую длинную нить, свернутую в несколько кругов в небольшой чашке. Бульон был сварен на косточках, а сверху всё украшали ярко-зелёная свежая зелень и румяные кусочки хурмы. От одного вида аппетит просыпался моментально.

Вэнь-санья под внимательными взглядами семьи осторожно всосал длинную лапшу и не оставил ни капли бульона.

Юй Шанчжи взглянул на Вэнь Ецай и заметил в его глазах тихую, искреннюю радость. Он незаметно потянулся под столом и слегка сжал ладонь супруга. Тот в ответ сдержанно улыбнулся, а пальцами игриво провёл пару раз по его ладони, передавая в этом движении то, что знал и понимал только он.

Когда солнце уже взошло высоко, зашла Су Цуйфэнь из соседнего двора. Ещё раньше, когда Вэнь Ецай только собирался устроить Санья день рождения, он первым делом обсудил это с Су Цуйфэнь, самой близкой ему роднёй.

Су Цуйфэнь зашла, разумеется, не с пустыми руками. Она разжала ладонь, и в ней оказалась сплетённая из красной нити верёвочка с подвешенной серебряной пластинкой, на которой были выгравированы четыре иероглифа: Долгая радость и крепкое здоровье.

— Санья, это тебе от тётушки на день рождения, — с улыбкой сказала Су Цуйфэнь. — Желаю тебе впредь поменьше болеть и поменьше страдать.

Вэнь Ецай тут же нахмурился:

— Тётушка, такую вещь мы не можем принять. Он ведь просто ребёнок...

Серебро — вещь недешёвая, пусть даже это и крохотная подвеска. Но Су Цуйфэнь только отмахнулась от его попытки вежливо отказаться:

— Я ведь ему старшая, и твоей матери почти как родная сестра, мне теперь и такую безделушку нельзя подарить? Она, к слову, ещё и в храме у Гуаньинь освящена. Иди-ка сюда,

Санья, тётушка сама тебе её повяжет.

В итоге красная нить всё же оказалась на запястье Санья. Он разглядывал её с любопытством, потом сладко улыбнулся и поблагодарил. Этот день рождения стал для него поистине щедрым на подарки, и глядя на это, даже у Вэнь-эрню внутри затеплилось какое-то ожидание.

Выбрав момент, она тихонько спросила у Юй Шанчжи:

— Брат Юй, а ты знаешь, когда у меня день рождения?

Юй Шанчжи, конечно же, уже давно выучил дни рождения всех трёх детей в семье Вэнь. Но в этот момент он сделал вид, будто не знает.

— Не знаю, — с улыбкой ответил Юй Шанчжи. — А ну-ка скажи, тогда уж брат Юй тоже приготовит тебе подарок.

Вэнь-эрню замялась и заёрзала:

— Ай, я не в этом смысле, правда... Я просто хотела, чтобы ты знал: у меня день рождения первого числа десятого месяца.

Когда эта новость дошла до ушей Вэнь Ецая, он чуть не высыпал корм не в ту сторону, пока кормил кур.

— Ах ты негодница, — смеясь, покачал он головой, — что ни день, то новый хитрый план.

Юй Шанчжи тем временем увидел, как куры с задранными хвостами гурьбой клюют зерно, и подошёл взять лопату, чтобы убрать за ними помёт. Сейчас он делал это уже довольно ловко: ещё до того, как навести порядок, он отвёл в углу двора место специально под компостную кучу. А то раньше всё складировали прямо у стены, даже если засыпать золой и сухой травой, мух и комаров всё равно было не счесть.

Убрав двор, Юй Шанчжи, опираясь на лопату, посмотрел на Вэнь Ецая, который как раз доливал воду в корыто для вола:

— Пока смотрел на Эрню, в голову пришла одна мысль. Хотел с тобой посоветоваться, как думаешь, стоит ли?

Услышав, что у Юй Шанчжи есть к нему серьёзный разговор, Вэнь Ецай быстро дополнил корыто и подошёл ближе:

— Что за серьёзное дело?

Юй Шанчжи чуть улыбнулся:

— Да не то чтоб прямо важное. Просто вот думаю: Эрню ведь с каждым годом взрослеет, а она всё ещё спит в одной комнате с Саньей. Пусть и через занавеску, но всё-таки как-то уже неудобно. Мы ведь теперь сэкономили те деньги, что собирались отдать за землю у семьи Цянь. Так вот я подумал: может, выстроим во дворе ещё одну комнату?

Вэнь Ецай задумался и невольно кивнул - в самом деле, разумно сказано.

— Это моя вина. Всё время в заботах, суете, и мне всё кажется, будто Эрню с Саньей всё ещё малыши, которым вместе и десяти лет не исполнилось, и пока рано задумываться о разделении.

На самом же деле в крестьянских семьях, особенно в бедных, редко придерживаются таких условностей. Бывает, в доме всего одна глинобитная лежанка, и вся семья спит на ней вместе, там уже не до того, чтобы делить по полу или возрасту.

— Ты ведь их родной брат, — мягко заметил Юй Шанчжи, — в твоих глазах они всегда останутся детьми.

За разговором они как раз вернулись в передний двор. Вэнь Ецай указал на свободный участок земли рядом с восточным флигелем:

— Эту землю мой отец в своё время специально оставил под строительство. Когда он покупал участок и строил дом, то нарочно обвёл побольше земли как раз с расчётом на то, что когда мы подрастём, каждому потребуется своя комната. Тогда он и прикидывал: Эрню пусть живёт рядом с моей, а Санья останется в западной комнате.

Юй Шанчжи только теперь по-настоящему понял, почему с самого начала, после того как вновь обрёл зрение, ему казалась странной планировка во дворе. Оказывается, это всё было продумано заранее его покойным тестем.

— Раз место уже есть, дело пойдёт проще. Интересно только, сколько теперь стоит выстроить отдельную комнату?

Вэнь Ецай сам никогда не строил домов, но кое-что всё же слышал от других.

— Да тут и трат особых не будет. У нас ведь не кирпичный дом, а глинобитный. Надо-то всего ничего: налепить саманных кирпичей, хорошенько утрамбовать и выложить стены. Потом позвать деревенских мужиков помочь. Дашь им по десятку-другому вэней за день да накормить сытно, и хватит.

Если прикинуть, выходит, построить дом куда дешевле, чем купить землю.

— Я ведь всё думаю, рано или поздно нам всё равно придётся строить кирпичный дом, — добавил он после паузы. — Вот только боялся, не будет ли лишним сейчас ставить ещё одну комнату. Но если дело выходит недорогим, даже если проживём в ней год-другой, всё равно того стоит.

У Вэнь Ецая была своя мечта о новом доме, но он почти не говорил об этом с Юй Шанчжи. Теперь же, услышав, что тот думает в том же направлении, не удержался от признания:

— Нет, это не будет лишним. Когда соберёмся строить новый дом, я попрошу старосту выделить нам другой участок. А этот, с родительским домом, я сносить не хочу.

Юй Шанчжи сразу понял, к чему клонит Вэнь Ецай: в старом доме жили Вэнь Юнфу и Цяо Мэй, это всё, что осталось детям в память о родителях.

Он сразу же поддержал:

— Ты прав, лучше и не скажешь. Оставим старый дом как есть, а когда будем строить новый, не придётся ломать голову, где жить в это время. Да и в конце концов, обе земли наши, кто от лишнего жилья откажется?

Вэнь Ецай сразу понял, что Юй Шанчжи нарочно обошёл стороной болезненную для него тему. Он прикусил губу и быстро взял себя в руки.

Жизнь становилась всё лучше, не стоило каждый раз при воспоминании о родителях сжимать нос от подступающих слёз.

— Раз так, когда будем звать людей строить дом, заодно давай и в заднем дворе свинарник выстроим? — предложил он. — Эрню ведь уже давно говорит, что хорошо бы завести поросёнка. А как раз у старосты осенью свинья поросится, я схожу, договорюсь с семьёй Сюй, чтобы нам оставили одного.

Сказав это, он вдруг замялся и неловко взглянул на Юй Шанчжи. Тот, заметив его выражение, с лёгким удивлением спросил:

— А чего ты на меня так смотришь?

Вэнь Ецай с видимым смущением произнёс:

— Я просто... подумал, не побрезгуешь ли ты. Всё-таки свинья не как другая живность.

Ведь свинья ест всё подряд. Говорят, раньше даже туалеты над свинарниками строили, и так сразу было ясно, чем тех свиней кормили.

Правда, в доме старосты к этому относились серьёзно: еду для свиней там варили отдельно, говорили, так мясо будет жирным, и на рынке продашь подороже. Но, чтобы вырастить свинью до убойного веса, требовался как минимум год, а за этот год на корм уходила уйма продуктов. Поэтому далеко не каждая семья могла себе позволить такую обузу.

Юй Шанчжи с улыбкой покачал головой:

— Откуда столько условностей? На самом деле свинья и грязь — это не одно и то же. Просто большинство людей сами за свиньями не следят. А если мы будем стараться и ухаживать как следует, то ничего страшного. Чем больше живности во дворе, тем лучше. Свиным навозом, между прочим, ещё и удобрять поля можно, в этом я тоже немного смыслю.

К тому же, если говорить по правде, свиньи — животные умные и по натуре довольно чистоплотные. В современном мире, между прочим, многие вообще заводят свиней как домашних любимцев.

Увидев, что Юй Шанчжи не гнушается и вовсе не считает это чем-то зазорным, Вэнь Ецай окончательно успокоился.

— Тогда я на днях и пойду просить старосту, — с облегчением сказал он. — Пусть оставит нам одного поросёнка.

Когда они договорились со старостой Сюем насчёт покупки, уже прошел праздник Сяомань, и погода становилась всё жарче. Мужчины в деревне один за другим переоделись в лёгкие рубахи с коротким рукавом, на головы надели плетёные соломенные шляпы, а устав во время работы, снимали их и обмахивались, отгоняя жару.

На полях пшеница стояла ряд за рядом, ровная, высокая и крепкая. Лишь бы не случилось так называемого «дождя на току», и ещё через полмесяца можно будет начинать летнюю жатву.

Крестьяне из года в год держатся за два самых важных рубежа — летний и осенний урожай. Если год выдался урожайным - в семье радость, достаток и покой. А если нет, приходится затягивать пояса и ждать следующего года.

Пока все в деревне затаив дыхание молились о ясной погоде, в ожидании летней жатвы, в один из вечеров конца четвёртого месяца, из деревни Селю почти без лишнего шума выехала повозка, увозящая одного гера в красном наряде, с красным свадебным покрывалом на голове. На повозке стоял и большой бамбуковый сундук, оклеенный красной бумагой - видимо, с

приданым.

Под кривым ивовым деревом несколько старух и пожилых мужчин, лениво обмахиваясь опахалами из лопуха, провожали взглядом трясущуюся на ухабах повозку, негромко перемалывая в беззубых ртах:

— Кто бы мог подумать, а ведь этот Юй-гер из семьи Ван вот так и вышел замуж...

— Говорят, тот учёный из деревни Шуймо, с которым он обручен, слёг с болезнью, вот и торопятся выдать его замуж на счастье.

Такую версию событий Чан Цзинлянь начала распространять сразу после того, как была назначена дата свадьбы Ван Сяюя и Тан Вэня. Всё потому, что между деревнями часто бывали люди, слышавшие, как тому самому учёному из Шуймо стало так плохо, что он не может встать с постели.

И теперь, когда появился подобный предлог, семейство Ван выглядело уже не как те, кто отчаянно навязывает своего ребенка, а как благоразумные люди, спешащие исполнить долги по обряду чунси.

Но и это самое чунси - «свадьба на удачу» на деле оказалось не таким уж радостным — никто в деревне толком и понять не мог, чем именно руководствовалась семья Ван. Ведь всем известно: если доходит до того, что ради спасения жизни устраивают свадьбу, значит, больной, скорее всего, уже одной ногой в гробу. А уж тот, кто выходит замуж при таких обстоятельствах, как правило, успевает пробыть супругом всего несколько дней, прежде чем надеть вдовий наряд.

По здравому размышлению семье Ван следовало бы всеми силами отказаться от такой свадьбы. Вот деревенские и начали догадываться, что, вероятно, в тех пересудах, что начались после того, как Ван Сяюя заперли дома, всё же была доля правды.

Раз уж семья Тан всё-таки согласилась взять Ван Сяюя, значит, дело было не в том, что тот заигрывал с каким-то другим мужчиной, а в том, что между ним и самим Тан Вэнем случилось нечто постыдное, не подлежащее огласке.

— Кто знает, может, он уже с животом, вот его и не выпускали на глаза людям.

— Раньше-то он и в реку кидался — ну, понятно, что у геров и кожа тоньше, впечатлительнее они... Но ведь одна ладонь не издаёт хлопка. Раз с первого раза не утонул, что теперь поделаешь? Осталось только выйти замуж и имя своё сохранить...

Договорив, несколько старух и стариков снова замотали головами.

А ведь ещё каких-то несколько месяцев назад, когда Вэнь Ецай ещё не вышел замуж, все знали,

что он и Ван Сяюй постоянно соперничали друг с другом. В те времена все были свято уверены: у Вэнь Ецяя в этой жизни добра не будет, и уж точно ему не угнаться за Ван Сяюем из семьи Ван.

Кто бы мог подумать, что пройдёт совсем немного времени, и судьбы этих двоих разойдутся, как небо и земля.

— У каждого своя доля, насильно ничего не добьёшься, — с книжным изяществом вздохнул один старик, что в юности знал несколько иероглифов.

Тем временем небо окончательно заволокло вечерними сумерками, приближался час ужина. Старики с трудом подняли со скамеек свои кости и неторопливо разошлись по домам.

Никто тогда и подумать не мог, что это окажется последний раз, когда жители Селю увидят Ван Сяюя.

В ту ночь, когда в последнем доме деревни Шуймо щёлкнул засов спальни, и вся деревня погрузилась в тишину, нарушаемую лишь редким собачьим лаем, в соседнем доме от семьи Тан, в семье Чжао, жена второго сына с заметно округлившимся животом, никак не могла уснуть.

Тогда, махнув рукой на бессонницу, она потянула за собой зевающего мужа поговорить хоть о чём-нибудь.

— Кто бы мог подумать, — пробормотала она, — что Тан Вэнь и вправду женится на том самом гере из семьи Ван. Ты скажи, что за хворь у него такая, что он, как запертый, и на порог не выходит?..

С этими словами она неодобрительно скривила губы:

— Говорят, будто это чунси, чтоб "развеять дурное", но вдруг он и вправду при смерти?

Погладив округлившийся живот, она тихо выдохнула:

— Если сгинет, только порчу от него в этот двор и занесёт, вот уж не хотелось бы.

Её мужа звали Чжао Мацзы. Это прозвище у него было такое, «Прыщавый», а на деле лицо почти чистое, и на вид он был совсем даже не дурён.

— Чего тебе столько думать, — лениво отозвался он. — Всё равно нам с тобой отдельно не жить, делить двор не станем. А по мне, так у Тан Вэня и не смертельная та болезнь. Хотя...

Он прищурился, хитро глянул на жену, прижался ближе и вполголоса зашептал ей на ухо всё, что подслушал в городском квартале красных фонарей, когда возил туда овощи.

Спустя мгновение его жена, округлив глаза, стремительно прикрыла рот рукой — глаза узкие, как у феникса, сейчас распахнулись в полную ширь.

— Да ты что! Правда, что ли?! Такие вещи нельзя разносить! — зашептала она сдавленным голосом.

А Чжао Мацзы, хоть и слышал сам лишь слухи, теперь держался, будто знал о деле все потаённые подробности.

— Конечно правда! — зашептал Чжао Мацзы с ехидным блеском в глазах. — Ты ж не знаешь, этот Тан Вэнь только у нас в деревне прикидывался белоручкой, а на самом деле давно уже в Исянлоу был на слуху. Говорят, денег у него кот наплакал, а всё шастал туда и верещал, мол, хочет выкупить одного гера. А потом вдруг новость - тот гер подцепил заразу и умер! Вот Тан Вэнь и сгинул с глаз долой, видно, перепугался до смерти.

Супруга Чжао Мацзы и сама уже была беременна, и прекрасно понимала, что такое "зараза", и от этих слов передёрнула плечами, поёжилась и почесала руку:

— Вот уж спасибо тебе, посреди ночи с такими байками! Теперь у меня всё тело зудит!

Чжао Мацзы поспешил её успокоить:

— Ай, дорогая, ну чего ты? Ну нехорошо тебе, так стукни меня, ногой пни, кулаком врежь, я только за!

Она хихикнула, уже было замахнулась кулачком, и в этот самый миг с соседнего двора вдруг раздался пронзительный, душераздирающий крик.

Оба вздрогнули. Чжао Мацзы резко притянул жену к себе, оба затаили дыхание, прислушиваясь. И вот раздался голос жены, дрожащий, как тонкий звон фарфора:

— Ты это... ты ведь тоже слышал? Что это было?.. Мне почудилось, или... это из дома Тан Вэня?!

Но ведь в дом Тан только сегодня и привели новоиспечённого супруга "для счастья", с чего бы это посреди ночи раздавался такой жуткий вопль?

Грубо говоря, даже если бы Тан Вэнь прямо сейчас испустил дух, и в доме начался траур, и то не кричали бы так душераздирающе.

Видя, что жена испугана не на шутку, Чжао Мацзы испугался, что она, не дай бог, разволнуется до преждевременных схваток, и тут же, не медля, накинул одежду.

— Ты сиди в доме, не выходи. Я пойду, погляжу, что к чему.

Только он вышел, как увидел, что и старший брат проснулся от шума, и оба зашагали вместе, направляясь к дому Тан.

По дороге старший, Чжао Да, с раздражением сплюнул на землю:

— Посреди ночи голосить как сумасшедший, ну вот что за люди! Всю ночь испортили!

Они уже почти подошли к калитке, как вдруг Чжао Да резко остановился, и его лицо напряглось. Он чуть приподнял нос, словно уловил в воздухе нечто.

Когда-то в детстве его хотели отдать в ученики к деревенскому мяснику, старине Цзяну, но не сложилось: стоило ему учуять резкий запах крови, как его начинало тошнить, так и не смог продолжить обучение. Деньги, что потратили на науку, пропали даром.

И теперь, когда до его обоняния донеслось то самое знакомое с детства зловоние, всё тело его налилось тяжестью, и он едва выдавил:

— М-мы... мы лучше не будем подходить ближе...

Чжао Мацзы, услышав, как брат запинается, нахмурился с недоумением и уже собрался что-то сказать, как вдруг из только что погрузившегося в гробовую тишину двора Тан вылетели две человеческие фигуры.

Обе, пошатываясь, неслись наружу, бормоча какие-то обрывочные, неразборчивые слова...

— Убили!.. Убили!..

Чжао Мацзы с первого взгляда узнал в выбежавших фигурах родителей Тан Вэня. И ещё не успел осознать, что происходит, не успел внятно разобрать их бессвязные бормотания, как мать Тан Вэня, Юй Цайся, с обезумевшим лицом вдруг сорвалась с места и кинулась прямо к ним с братом.

На этот раз её крик, казалось, прорвал все возможные преграды и сотряс небо над всей деревней Шуймо.

— Спасите! Убили человека!

Спящие в кронах деревьев птицы с шумом вспорхнули в темноту, взметнув крылья в тревожном вихре. А над деревней вдруг проплыла туча, заслонив бледный свет луны. Этой ночью, казалось, ни один человек в округе уже не сомкнёт глаз...

Юй Шанчжи спустя долгое время снова был разбужен среди ночи.

Собаки за калиткой, Даван и Эрван, пару раз залаяли и затихли, что означало: пришедший, должно быть, был кто-то из знакомых деревенских.

— Кто-то стучится? - сонно пробормотал Вэнь Ецай, не до конца открыв глаза. Сегодняшней ночью они с мужем вволю пошалили перед сном, так что теперь гер едва держался на ногах от усталости.

— Наверное, кто-то пришёл за лечением. Я схожу посмотрю. А ты лежи, не вставай, — тихо сказал Юй Шанчжи.

Ранее Вэнь Ецай вспотел вконец, и хоть Юй Шанчжи его потом тщательно вытер, он всё равно опасался, как бы тот не вышел на улицу и не простудился от ночного сквозняка.

Он быстро накинул верхнюю одежду, обулся и, выйдя во двор, увидел, что две собаки крутятся у ворот. Юй Шанчжи шагнул вперёд, отворил калитку и никак не ожидал, что за ней окажется сам староста деревни, Сюй Байфу.

— Староста?

Сюй Байфу, завидев его, с облегчением выдохнул и тут же поспешно заговорил:

— Юй-ланчжун, дело из рук вон! В Шуймо нечто страшное стряслось! Тамошний староста, старый Чжэн, прислал за мной человека, просит срочно прислать лекаря! Собирайся, сынок, возьми ящик с лекарствами и поезжай со мной. Только прошу тебя, не забудь взять побольше средств от внешних травм!

Юй Шанчжи оторопел, с такими словами среди ночи не шутят. Раз уж соседняя деревня в столь поздний час слала гонца за лекарем, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее.

Последние остатки сна вмиг выветрились у него из головы.

— Подождите немного, староста, я сейчас схожу за ящиком.

Сюй Байфу поспешно добавил:

— Не бери с собой вашу воловью телегу, я велел своему сыну Циньшюу запрячь нашу — он нас быстро доставит!

Вернувшись в спальню, Юй Шанчжи увидел, что Вэнь Ецай уже тоже проснулся и сел на постели.

— Мне показалось, я слышал голос старосты... В деревне что-то случилось? — спросил он, озадаченно нахмурившись.

Юй Шанчжи на ходу вынул заколку, и его волосы тут же рассыпались по плечам, превратившись в сплошной беспорядок. В таком виде выходить к людям было никак нельзя, придётся снова их собрать.

Увы, сколько бы он ни жил здесь, с причёсками у него по-прежнему не ладилось.

— Не у нас в деревне. Это староста из Шуймо прислал человека к нашему старосте, просит срочно направить лекаря.

Вэнь Ецай поспешно усадил Юй Шанчжи обратно на край кровати, сам же опустился за его спиной на колени и взял в руки деревянную заколку.

— Раз такое среди ночи, не иначе как кто-то схватил острый приступ, — сказал он, перебирая пряди.

— Похоже, что дело всё же в ранениях, — спокойно ответил Юй Шанчжи.

И всего одна эта фраза заставила Вэнь Ецай снова напрячься. Однако несмотря на тревогу, руки у него продолжали уверенно и ловко трудиться.

С малых лет он помогал причёсываться Вэнь-эрню и Вэнь-санъя, так что движения у него были отточены до автоматизма, а причёска у мужчины особой сложности не требовала — в пару приёмов он аккуратно и быстро привёл волосы Юй Шанчжи в порядок.

— Ночью по дороге идти непросто, ты поосторожнее там. Может, возьмёшь с собой Давана? — с беспокойством предложил Вэнь Ецай.

Юй Шанчжи развернулся и обнял своего супруга, невольно вздохнув.

Вот такая уж судьба у лекаря - стоит кому-то в ночи срочно заболеть, и как бы ты ни был занят, даже если только что покинул объятия любимого, приходится отложить всё и немедленно идти выполнять свой долг.

— Со мной и деревенский староста, и брат Циншуй, да и едем мы на его телеге. Всё будет в порядке.

Услышав это, Вэнь Ецай немного успокоился. Напоследок он поправил Юй Шанчжи криво севший ворот и проводил его до двери спальни.

— Береги себя. Возвращайся скорее.

Ночью в жару он спал лишь в лёгком халате, так что не стал выходить во двор, опасаясь, что его увидит староста, дожидавшийся у ворот. Вместо этого он выглянул из окна, проводил Юй Шанчжи взглядом, и, только убедившись, что тот ушёл с деревенским старостой, с трудом заставил себя вернуться в постель.

Сквозь дрему, почувствовав, как раскрытое тело начинает зябнуть, он наугад нащупал угол одеяла и небрежно прикрыл себе живот.

Иначе, если Юй Шанчжи вернётся и увидит, как он раскинулся на кровати с открытым животом, наверняка снова не обойдётся без упрёков и нотаций.

На деревенской дороге старый жёлтый вол напрягал все силы, таща телегу, на которой трясло троих человек. Помимо Юй Шанчжи и старосты Сюй Байфу, с ними ехал ещё и внук старосты деревни Шуймо Чжэн Юлян.

Чжэн Юлян пришёл за лекарем в деревню Селю среди ночи и, признаться, никак не ожидал, что местный знахарь окажется таким молодым - на вид он был даже младше его самого. Усевшись в телегу, по знаку Сюя Байфу он поведал Юй Шанчжи, что именно произошло.

— Дом Тан? Неужели тот самый, где живёт Тан Вэнь? — едва услышав, что преступление случилось в доме Тан, Юй Шанчжи похолодел и невольно воскликнул.

Чжэн Юлян почесал в затылке, на лице его ясно читалась тревога:

— А то кто же ещё! Конечно он, какой же другой Тан!

Тут-то Юй Шанчжи и понял, почему за ним послали среди ночи и почему сам староста, с его не молодыми уже костями, лично вызвался ехать с ним. Дело вовсе было не в том, что кто-то внезапно занемог, а в том, что случилось нападение — кто-то преднамеренно причинил тяжкие увечья. И, что особенно важно, к этому инциденту, похоже, был напрямую причастен новоиспечённый супруг Тан Вэня, Ван Сяюй из деревни Селю.

— Ты знаешь, где именно он был ранен? — спросил Юй Шанчжи.

При этом Чжэн Юлян заметно побледнел.

— Честно говоря, я сам не видел... Это мой дед заходил внутрь. Он сказал... — Чжэн Юлян опустил глаза, затем показал рукой на низ живота: — ...что те... два ляна мяса были отрезаны. Крови вытекло очень много!

Услышав это, все трое мужчин невольно сжались, будто у каждого разом кольнуло в том месте.

Юй Шанчжи же, если ещё минуту назад колебался, способен ли был Ван Сяюй на нечто подобное, теперь, услышав о характере ранения, всё больше склонялся к мысли, что именно тот и нанёс удар. Сколько же должно быть в человеке злобы и боли, чтобы так хладнокровно опустить нож и навсегда лишить другого мужского достоинства?

Юй Шанчжи невольно вспомнил, как в тот день Ван Сяюй просил его рассказать всю правду. Неужели уже тогда он принял решение — дождавшись момента, поквитаться с Тан Вэнем, пусть даже ценой собственной гибели?

Юй Шанчжи, размышляя о случившемся, всем сердцем надеялся, что Тан Вэнь сумеет дотянуть до его прибытия. Ведь в том месте тело пронизано множеством кровеносных сосудов, как вен, так и артерий, и стоит промедлить или ошибиться, как дело может обернуться обширным кровотечением. А в это время, когда нет ни надёжных хирургических инструментов, ни возможности сделать переливание, подобная рана и впрямь могла стоить жизни. Даже в современном мире, без своевременной медицинской помощи, исход порой бывал трагичен.

На телеге царила напряжённая тишина, лица всех троих были хмуры и настороженны.

Хотя старый желтый вол из дома Сюй не мог сравниться в резвости с тем, что купили Юй Шанчжи и Вэнь Ецай, Сюй Циншуй, зная, насколько срочно требовалась помощь, гнал повозку изо всех сил. И потому до деревни Шуймо они добрались довольно скоро.

Чжэн Юлян первым спрыгнул с повозки и крикнул:

— Дедушка!

Впереди в свете фонаря показался Чжэн Бинши, поддерживаемый с обеих сторон двумя сыновьями, и поспешно зашагал навстречу.

— Старик Сюй, наконец-то ты приехал! Посмотри, что за неразбериху учинил гер из вашей деревни! А где ваш лекарь, он с вами?

Слова, с которых начал Чжэн Бинши, сразу зацепили Сюй Байфу, и тот едва удержался, чтобы не вспылить. Однако, понимая, что вина в случившемся всё же лежала на стороне их деревни, он сдержался и, скрипя зубами, ответил:

— Привёл. Вот он, наш Юй-ланчжун из нашей деревни.

Чжэн Бинши бросил взгляд на Юй Шанчжи. Первой его реакцией было удивление: неужели этот совсем юный лекарь действительно способен спасти жизни?

Но Тан Вэнь уже висит на волоске от смерти, думать было некогда.

— Живо, Чэнцай, Чэнтянь, ведите лекаря внутрь! Неважно как, но нужно спасти ему жизнь!

Юй Шанчжи не стал вступать с Чжэн Бинши в прения о том, насколько разумны его требования. Он стремительно шагнул вперёд, следуя за двумя сыновьями старосты в дом Танов. Едва переступив порог, он тут же ощутил в воздухе резкий, густой запах крови.

Тан Вэнь лежал на кровати в агонии, дыхание его было прерывистым, с каждым вздохом всё слабее. Под ним раскинулась большая тёмно-красная кровавая лужа, пролившаяся из-под пояса и впитавшаяся в подстилки.

Перед тем как войти, Юй Шанчжи краем уха подслушал, что родители Тан Вэня, увидев случившееся, оба потеряли сознание от ужаса. Сейчас они были в другой комнате под присмотром родни.

Ван Сяоюя на месте не было. Если это и впрямь он напал, а потом сбежал, то поимкой уже должны заняться дозорные из уездного управления.

Оглядевшись, Юй Шанчжи понял, что в комнате нет ни одного человека, который мог бы помочь. Потому он обернулся к Чжэн Чэнцаю и Чжэн Чэнтяню и спокойно, но решительно велел:

— Будьте добры, подготовьте всё необходимое: мне нужны ножницы, прокипячённые в горячей воде, и чистая хлопчатобумажная ткань.

Пока двое мужчин вышли за нужным, Юй Шанчжи поспешно поднёс руку к запястью Тан Вэня, нащупывая пульс. Почти мгновенно его брови сдвинулись в тревоге. Он пришёл слишком поздно. Судя по количеству потерянной крови, всё теперь зависело лишь от воли небес.

Крестьянская печь топится быстро, стоит только поддать дров. Не прошло и пары мгновений, как всё нужное уже принесли: ножницы и отрез чистой ткани. Юй Шанчжи подошёл к кровати, откинул одежду с тела Тан Вэня, принял ножницы, аккуратно разрезал запёкшуюся ткань, прикрывавшую рану, и затем намочил хлопковую тряпицу в тёплой воде, начав осторожно очищать кожу от запёкшейся крови.

После такой быстрой обработки рана предстала во всей своей ужасающей ясности. В этот момент в комнату вошёл Чжэн Бинши. Увидев открывшуюся ему картину, он едва не оступился

— в голове с грохотом промелькнула одна мысль: такой грех... Даже если Тан Вэня удастся спасти, вся его жизнь теперь перечёркнута.

— Есть ли ещё надежда? — хрипло спросил он, голос предательски дрогнул.

— Слишком большая кровопотеря. Я лишь постараюсь сделать всё возможное. Сейчас главное — спасти ему жизнь, — Юй Шанчжи не отрываясь от раненого, извлёк иглы из своего кожаного футляра и быстро прокалил их над пламенем лампы.

Затем, не поднимая глаз, он спросил собравшихся рядом:

— До моего прибытия кто-либо из вас прикасался к нему?

Все присутствующие поспешно затрясли головами: в таком состоянии кто бы посмел приблизиться к раненому?

Юй Шанчжи, убедившись, что никто не прикасался, тут же дал следующие распоряжения:

— Приготовьте ещё кипятка. Всем, кто выходит из этой комнаты, необходимо вымыть руки с мыльным орехом. У кого есть открытые раны на коже, в помещение не входить.

Он понимал, как распространяется венерическая зараза, и хоть открыто не сказал всего, меры предосторожности были необходимы, особенно в такой ситуации.

Чжэн Бинши, глядя, как юный лекарь действует чётко и уверенно, наконец начал чувствовать к нему больше доверия. Однако стоило его взгляду вновь упасть на изуродованного Тан Вэня, как он с силой хлопнул себя по бедру, едва сдерживая злость.

Все присутствующие без труда уловили скрытый смысл в словах Юй Шанчжи: орган перерезан полностью, лишь тонкий лоскут кожи всё ещё соединял его с телом. Тут и думать нечего, пришить обратно невозможно.

Это ведь был самый перспективный молодой человек во всей деревне Шуймо!

— Вот уж поистине злобный гер из семьи Ван! — с гневом выдохнул Чжэн Бинши.

Юй Шанчжи, услышав столь однозначное осуждение, невольно помрачнел.

Однако сейчас важнее всего было спасти жизнь, и Юй Шанчжи не стал отвлекаться, а молниеносно начал вводить иглы, стараясь как можно быстрее остановить кровотечение, вырвав Тан Вэня из рук самого Короля Ямы. Что касается того, почему Ван Сяюй пошёл на

такое, и какие грязные дела творил до этого сам Тан Вэнь — судить об этом будут другие. Его, как лекаря, это не касалось.

Когда кровотечение удалось остановить, он занялся обработкой и перевязкой нижней части раны. К счастью, перед выходом он по настоянию Сюй Байфу взял с собой достаточно средств для лечения наружных повреждений.

Аккуратно очистив рану, Юй Шанчжи щедро насыпал целебного порошка, после чего наложил чистую повязку. Затем достал пилюлю, раскрыл рот полубессознательного пациента и насильно вложил лекарство внутрь, заставив проглотить.

На этом этапе его одежда тоже успела испачкаться в крови. Юй Шанчжи устало перевёл дух и, затаив на мгновение взгляд, не без горечи подумал, что всё же следует как можно скорее найти ученика, которого можно было бы обучить и взять с собой в помощники. Ведь он обычный человек, не с двумя головами и не с восемью руками.

Услышав, что экстренная помощь завершена и теперь остаётся лишь ждать, выдержит ли Тан Вэнь эту ночь, Чжэн Бинши, понимая, что дальше мешать в комнате будет только обузой, вышел во двор. Он расспрашивал тех, кого отправили на поиски Ван Сяюя, не было ли от них вестей.

Сюй Байфу между тем, словно старый ишак, пущенный по кругу, нервно шагал взад-вперёд по двору. Чжэн Бинши, уже готовый пожаловаться, что у него от этих хождений в глазах рябит, вдруг увидел, как один из сельских ребят с побелевшим от страха лицом бросился к ним.

— Деревенский староста! — запыхавшись, выкрикнул тот. — Мы нашли супруга из семьи Тан!

Чжэн Бинши тут же вскочил с принесённого для него стула:

— Где нашли? Где он? Привели?

Сюй Байфу тоже тут же согнулся в три погибели и придвинулся ближе, чтобы не пропустить ни слова. А парнишка лишь дрожащей рукой указал в сторону рожицы на окраине деревни, затем вытянул лицо, словно вот-вот зарыдает:

— Привести не смогли, староста... Тот гер... тот гер уже мёртвый!

Когда весть дошла до Юй Шанчжи, он как раз вынул последние иглы из нескольких жизненно важных точек на теле Тан Вэня. Коснувшись пальцами его запястья, он ощутил слабейшее биение пульса — будто пламя последней свечи, дрожащей под дыханием ветра.

— Изначально я ещё думал, — вздохнул Сюй Байфу, качая головой, — что, может, и тебе взглянуть на того гера из семьи Ван... Но, по всему видно, мёртв он уже с добрый час.

— Всё ж таки, — добавил он с горечью, — человек был из нашей деревни. Кто бы мог подумать, что едва перешагнув порог чужого дома, в самую первую же ночь... Эх!

Юй Шанчжи аккуратно промыл использованные иглы и вставил их обратно в футляр. Услышав сказанное, он спросил:

— И как теперь поступят? Это ведь уже дело с человеческой смертью. Следует ли доложить властям?

Он не слишком хорошо знал, как в деревнях сейчас обращаются с подобными случаями, и Сюй Байфу пояснил:

— Конечно, надо сообщать. С рассветом в Шуймо направят людей в уездный город. Обычно из ямена ловцы приедут разбираться.

С этими словами он ещё раз тяжело вздохнул:

— А мы, раз уж на месте происшествия, без допросов теперь не обойдёмся.

Юй Шанчжи кивнул — его как врача пригласили на глазах у всей деревни, потому он спокойно отнёсся к предстоящим расспросам.

К исходу глубокой ночи Тан Вэнь всё ещё держался на последнем дыхании. Его родители, очнувшись один за другим, принялись причитать, требуя пустить их к сыну. Но Чжэн Бинши лишь сухо сообщил им, что Тан Вэнь ещё жив, однако твёрдо запретил приближаться.

Юй Шанчжи подумал с минуту, а затем всё же велел юнцу из семьи Чжэн, стоявшему у двери, позвать Чжэн Бинши. Когда тот подошёл, Юй без обиняков сказал:

— Боюсь, Тан Вэнь этой ночью не доживёт до утра. Лучше позвольте его родителям проститься с ним, пусть проводят его в последний путь.

Если бы Тан Вэнь был изначально здоров, можно было бы надеяться, но ведь в его теле уже давно поселилась сифилисная зараза, и теперь, после такой обильной кровопотери, жизненные силы стремительно убывают. Температура держалась высокая и не спадала.

Юй Шанчжи использовал все доступные в этих условиях методы лечения, но, как бы ни было тяжело это признавать, он ясно осознавал — это будет первый больной с момента его прихода в этот чуждый мир, которого ему не суждено спасти.

Старик Тан и Юй Цайся вскоре, опираясь друг на друга, вбежали в комнату и с плачем бросились к изголовью сына. Они били поклоны, в слезах умоляя Юй Шанчжи спасти Тан Вэня, но тот мог лишь с горечью покачать головой.

Да, врач вправе бороться с самой смертью, но вовсе не значит, что в каждой схватке он выйдет победителем.

Поняв, что надежды не осталось, старики в отчаянии обрушились на Ван Сяюю, осыпая его ругательствами. Юй Шанчжи вовсе не желал вслушиваться в их грубую брань, но, уловив среди выкриков несколько ключевых слов, его брови невольно сдвинулись.

Увидев, как Сюй Байфу нервно расхаживает у дверей, Юй Шанчжи подошёл, отвёл его в сторону и негромко задал несколько вопросов. Получив ответ, он с ним же отправился подальше от дома взглянуть на тело Ван Сяюю.

Некоторое время спустя Сюй Байфу, ничего не выражая лицом, едва заметно кивнул Юй Шанчжи и, сложив руки за спиной, направился на поиски собственного внука.

К концу часа Инь над горизонтом начал разгораться рассвет. Небо над головой из густого синего стало постепенно светлеть, обретая цвет яичной скорлупы, а по всему селению, ничего не ведая о ночной трагедии, петухи один за другим с воодушевлением исполнили свою утреннюю повинность.

Резкие, пронзительные крики будто на миг рассеяли нависшую за ночь над деревней жуткую, вязкую тишину. Но в это же самое время Тан Вэнь сделал свой последний вдох.

Он всё же не сумел вырваться из этой западни.

Юй Шанчжи приложил все усилия, но, проверив в последний раз пульс, с горечью признал: дыхание угасло, пульс исчез, жизнь покинула тело.

Юй Шанчжи предпринял последнюю попытку спасти его, но всё было тщетно — пульс окончательно стих. Он выпрямился и, стоя в нескольких шагах от двух сельских старост, едва заметно покачал головой. Затем отступил назад на два шага и глубоко поклонился телу покойного Тан Вэня.